This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

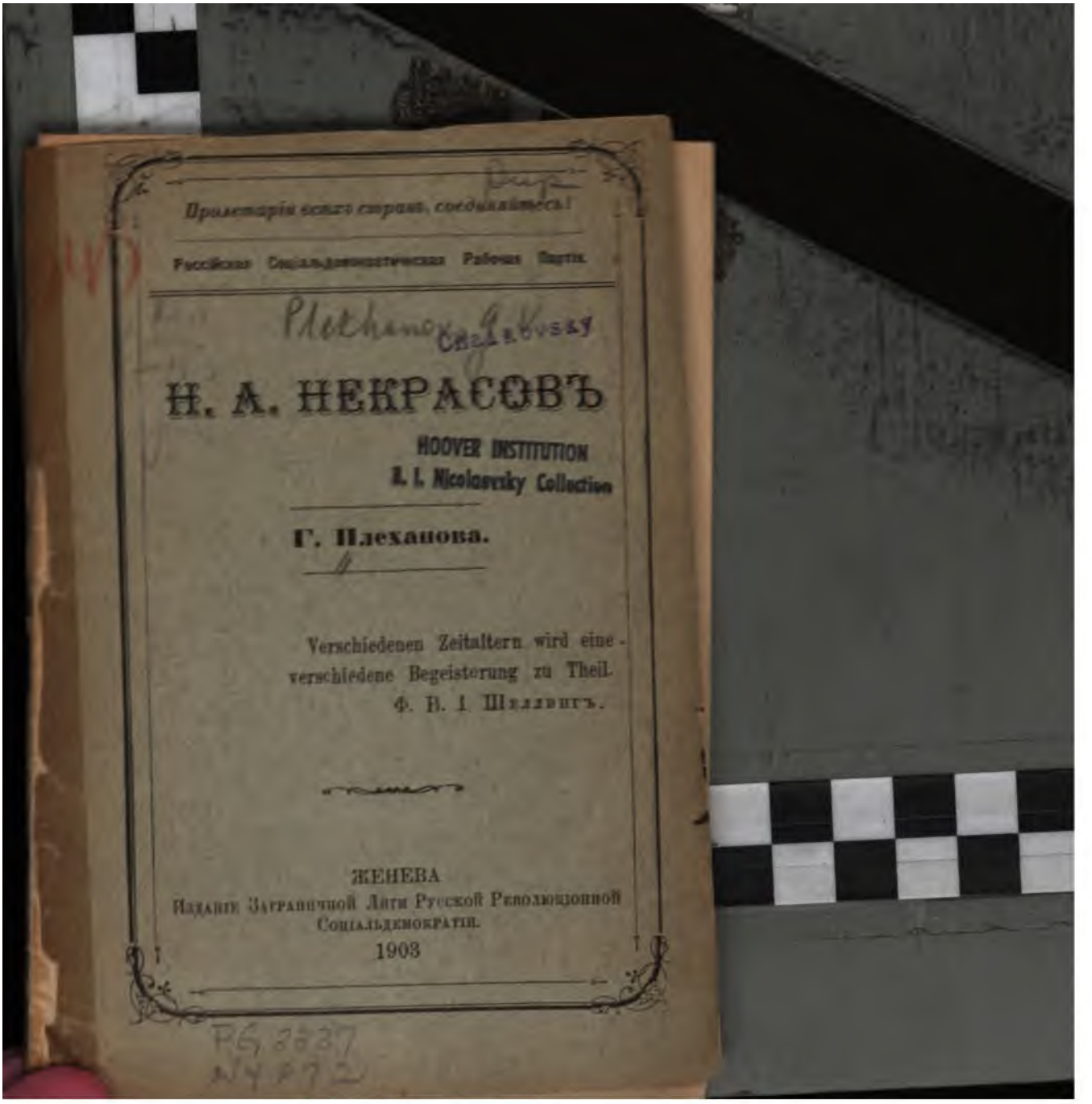
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



Пролетарїи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Русская Социалъ-демократическая Рабочая Партія.

Plekhanov, G. V.

Н. А. НЕКРАСОВЪ

HOOVER INSTITUTION
N. I. Nicolaevsky Collection

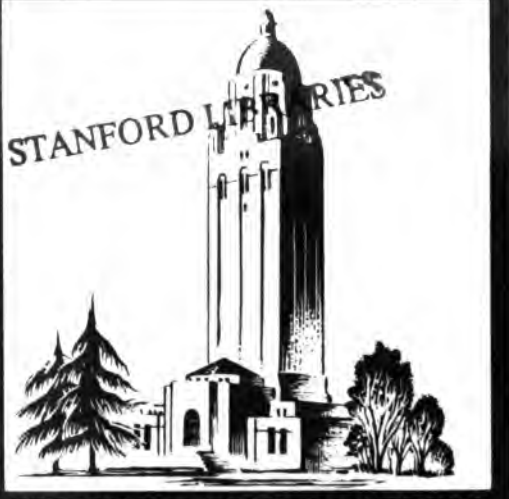
Г. Плеханова.

Verschiedenen Zeitaltern wird eine verschiedene Begeisterung zu Theil.
Ф. В. І. Шеллингъ.

ЖЕНЕВА
Изданіе Заграничной Лиги Русской Революціонной Соціалъ-демократіи.
1903

PG 2637
N4 P72

STANFORD LIBRARIES



HOOVER INSTITUTION
on War, Revolution, and Peace

FOUNDED BY HERBERT HOOVER, 1919

Boris I. Nicolaevsky
Collection

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Н. А. НЕКРАСОВЪ

Г. Плеханова.

Plekhanov

Verschiedenen Zeitaltern wird eine verschiedene Begeisterung zu Theil.

Ф. В. І. Шеллингъ.

ЖЕНЕВА
Изданіе Заграничной Лиги Русской Революціонной Соціальдемократіи.
1903

BD

PG 3337
N4 P72

Slav-coll
25674

Н. А. НЕКРАСОВЪ

(Посвящается Донскому Комитету
Рос. С.-Д. Р. Партіи).

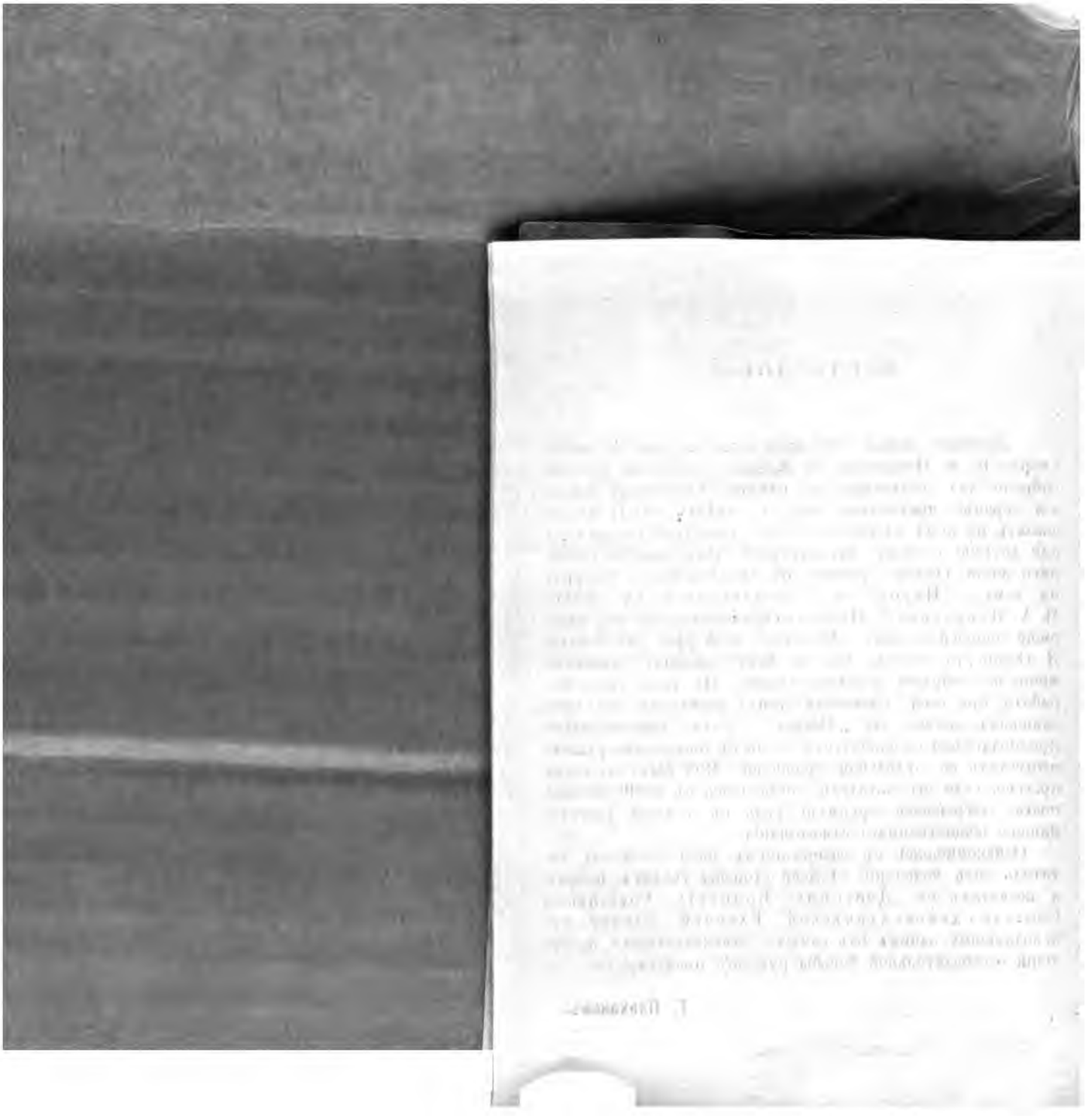
ПРЕДИСЛОВІЕ.

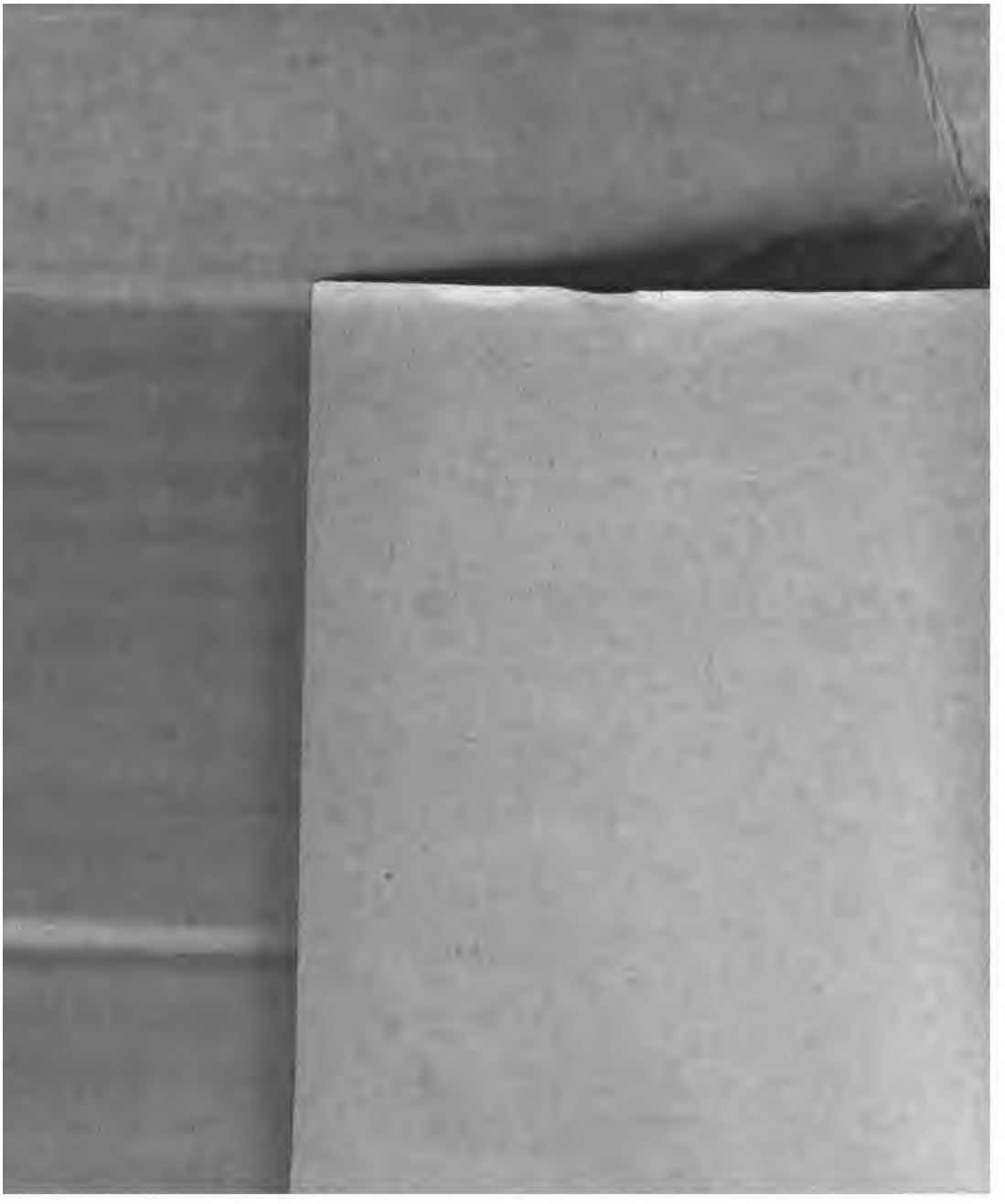
Десятаго января текущаго года, въ день 25-лѣтія смерти Н. А. Некрасова, въ Женевѣ состоялось русское собраніе для чествованія его памяти. Устроители собранія заранѣе предложили мнѣ, — вмѣстѣ съ г. А., — сказать на немъ нѣсколько словъ, характеризующихъ ту или другую сторону литературной дѣятельности покойнаго поэта. Охотно принявъ это предложеніе, я говорилъ на тему: „Народъ и интеллигенція въ поэзіи Н. А. Некрасова“. Нѣсколько времени спустя, мои товарищи попросили меня обработать мою рѣчь для печати. Я дѣлаю это теперь, кое въ чемъ дополняя сказанное мною на собраніи десятаго января. Но такъ какъ моя работа, при всей скромности своихъ размѣровъ, все-таки слишкомъ велика для „Искры“, — гдѣ первоначально предполагалось ее напечатать, — мы съ товарищами рѣшили выпустить ее отдѣльной брошюрой. Мнѣ было бы очень пріятно, если бы читатели согласились съ моей оцѣнкой поэта, сыгравшаго крупную роль въ исторіи развитія нашего общественнаго самосознанія.

Ознакомившись съ содержаніемъ моей брошюры, читатель безъ поясненій съ моей стороны увидитъ, почему я посвятилъ ее Донскому Комитету Россійской Соціаль-демократической Рабочей Партіи, руководившему однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ проявленій освободительной борьбы русскаго пролетаріата.

Г. Плехановъ.

Женева, 10 марта 1903 года.





Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Н. А. НЕКРАСОВЪ

Г. Плеханова.

Plekhanov

Verschiedenen Zeitaltern wird eine verschiedene Begeisterung zu Theil.

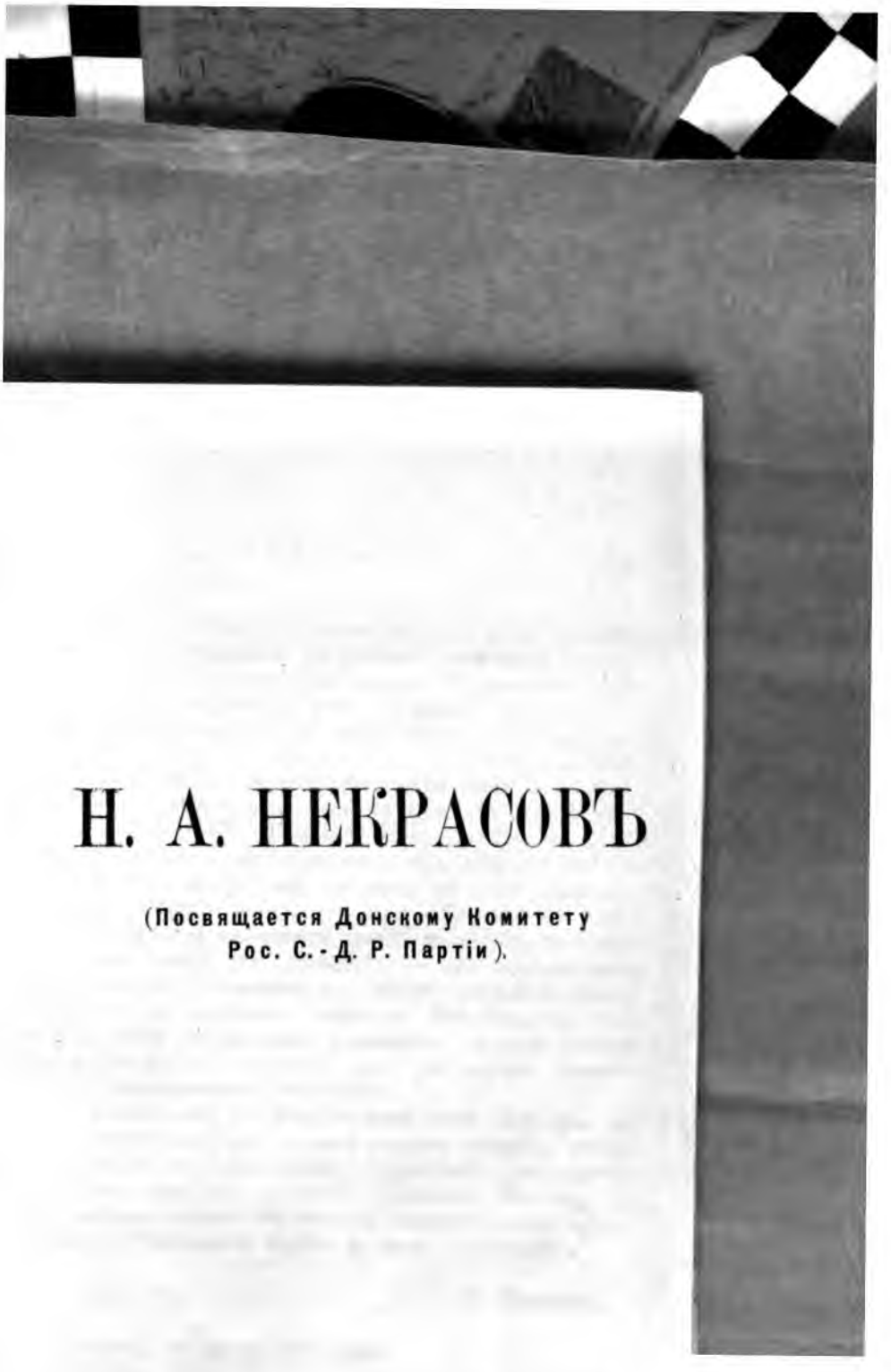
Ф. В. І. Шеллингъ.

ЖЕНЕВА
Изданіе Заграничной Лиги Русской Революціонной Соціальдемократіи.
1903

BD

PG 3337
N4 P72

Slav coll
25674



Н. А. НЕКРАСОВЪ

(Посвящается Донскому Комитету
Рос. С.-Д. Р. Партіи).

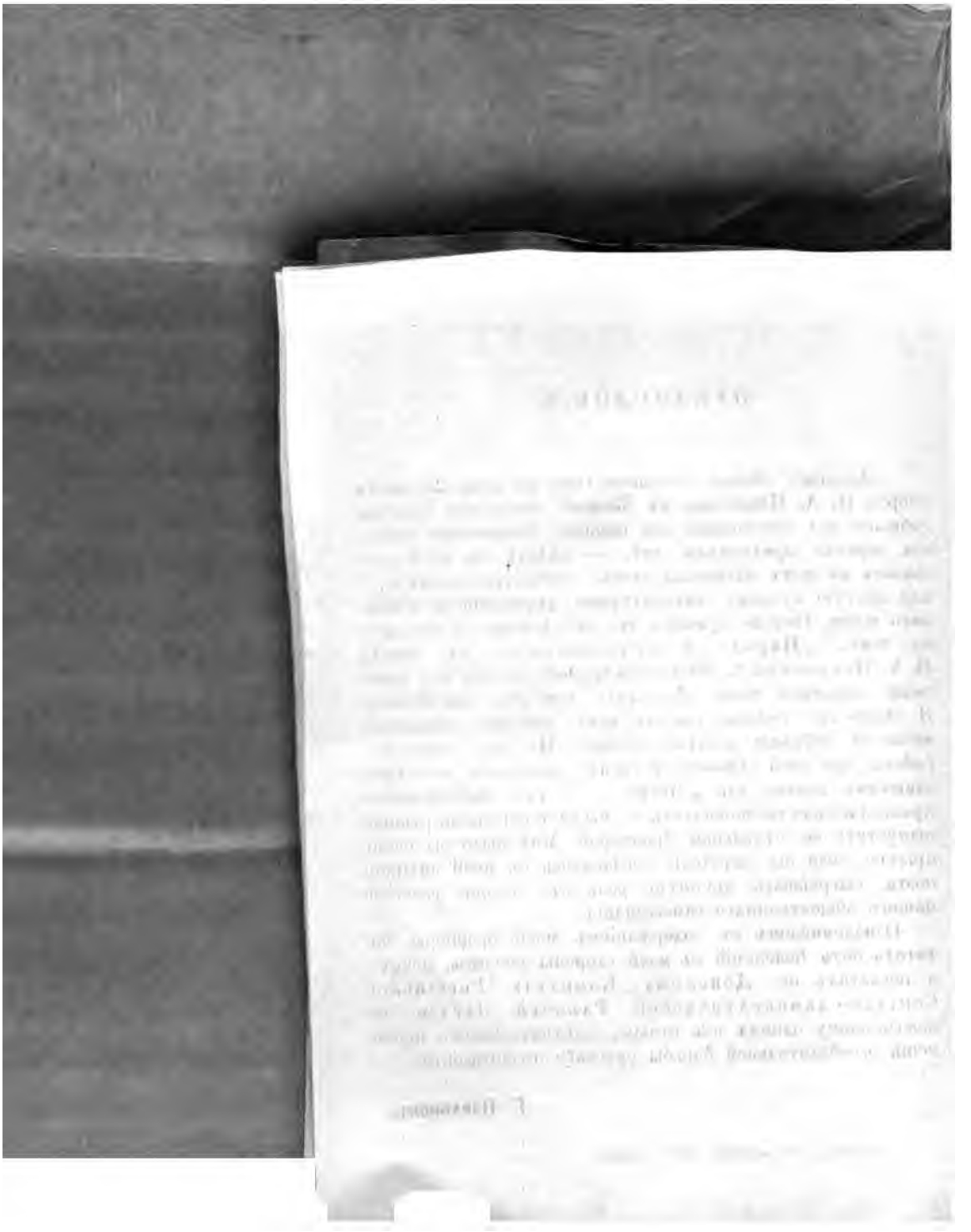
ПРЕДИСЛОВІЕ.

Десятаго января текущаго года, въ день 25-лѣтія смерти Н. А. Некрасова, въ Женевѣ состоялось русское собраніе для чествованія его памяти. Устроители собранія заранѣе предложили мнѣ, — вмѣстѣ съ г. А., — сказать на немъ нѣсколько словъ, характеризующихъ ту или другую сторону литературной дѣятельности покойнаго поэта. Охотно принявъ это предложеніе, я говорилъ на тему: „Народъ и интеллигенція въ поэзіи Н. А. Некрасова“. Нѣсколько времени спустя, мои товарищи попросили меня обработать мою рѣчь для печати. Я дѣлаю это теперь, кое въ чемъ дополняя сказанное мною на собраніи десятаго января. Но такъ какъ моя работа, при всей скромности своихъ размѣровъ, все-таки слишкомъ велика для „Искры“, — гдѣ первоначально предполагалось ее напечатать, — мы съ товарищами рѣшили выпустить ее отдѣльной брошюрой. Мнѣ было бы очень пріятно, если бы читатели согласились съ моей оцѣнкой поэта, сыгравшаго крупную роль въ исторіи развитія нашего общественнаго самосознанія.

Ознакомившись съ содержаніемъ моей брошюры, читатель безъ поясненій съ моей стороны увидитъ, почему я посвятилъ ее Донскому Комитету Россійской Соціаль-демократической Рабочей Партіи, руководившему однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ проявленій освободительной борьбы русскаго пролетаріата.

Г. Плехановъ.

Женева, 10 марта 1903 года.



Н. А. НЕКРАСОВЪ.

(Посвящается Донскому Комитету Рос. С.-Д. Р. Партіи.)

Нашъ геніальный критикъ В. Г. Бѣлинскій писалъ одному изъ своихъ московскихъ друзей о Некрасовѣ: „Что за талантъ у этого человѣка, и что за топоръ его талантъ!“ Эта восторженная похвала не лишена нѣкоторой двусмысленности. Топоръ — очень полезное орудіе труда; онъ составляетъ одно изъ первыхъ по времени культурныхъ пріобрѣтеній человѣка. Но вещи, сдѣланныя топоромъ, обыкновенно не изящны; не даромъ мы говоримъ: „топорная работа“. И надо признать, что произведенія Некрасова часто представляютъ собою именно такую работу. Я помню, какъ однажды, заспоривъ со мной о „Русскихъ Женщинахъ“, покойный Всеволодъ Гаршинъ, очень не высоко ставившій поэтическій талантъ Некрасова и рѣзко осуждавшій тогда (въ годы студенчества) „тенденціозность“ его поэзіи, съ насмѣшкой продекламировалъ:

Покоенъ, проченъ и легокъ
На диво слаженный возокъ...

Несмотря на все свое пристрастіе къ поэту „мести и печали“, я вынужденъ былъ согласиться, что „возокъ“ плохо рифмуетъ съ „легокъ“. Некрасовъ, навѣрно, и самъ чувствовалъ, что тутъ дѣло идетъ не совсѣмъ ладно; но онъ не только не смутился этимъ, но нѣсколько ниже повторилъ:

Покоенъ, проченъ и легокъ
Катится городомъ возокъ.

Подобныя антиэстетическія погрѣшности у Некрасова попадаются на каждомъ шагу. Его стихъ не гладокъ или, какъ онъ самъ характеризовалъ его, тяжелъ и неуклюжъ. Его языкъ рѣдко бываетъ звученъ. Людямъ, воспитаннымъ въ эстетическихъ преданіяхъ сороковыхъ годовъ и избалованнымъ роскошной музыкой стиховъ Пушкина и Лермонтова должны были рѣзать ухо шипящіе звуки вродѣ вотъ этихъ:

Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови
Уведи меня въ станъ погибающихъ и т. д.

Это очень неблагозвучно. Но это еще только полбѣды; это касается только стиха, т. е. внѣшности, такъ сказать поверхности поэтическаго произведенія. Бѣда заключается въ томъ, что стихотворенія Некрасова очень часто не удовлетворяютъ художественнымъ требованіямъ даже по своему внутреннему строенію. Для примѣра я укажу на одно изъ самыхъ знаменитыхъ и, по своему, самыхъ замѣчательныхъ его произведеній, — на „Размышленія у парадnаго подъѣзда“. Вспомните это мѣсто:

А владѣлецъ роскошныхъ палатъ
Еще сномъ былъ глубокимъ объятъ...
Ты, считающій жизнью завидною
Упоеніе лестью безстыдною,
Волокитство, обжорство, игру —
Пробудись! Есть еще наслажденіе:
Вороти ихъ! Въ тебѣ ихъ спасеніе!
Но счастливые глухи къ добру...
Не страшатъ тебя громы небесные,
А земные ты держишь въ рукахъ,
И несутъ эти люди безвѣстные
Неисходное горе въ сердцахъ...

Это благородно и краснорѣчиво; но, къ сожалѣнію, это не болѣе, какъ краснорѣчивая проза (злые языки говорили: риторика). Поэзіи тутъ нѣтъ никакой, и

потому все это мѣсто, такъ сильно заставлявшее биться тысячи и тысячи русскихъ сердецъ (и тѣмъ убѣдительно доказавшее, что въ немъ была не одна „риторика"), не только не украшаетъ стихотворенія, а прямо портитъ его и было бы гораздо умѣстнѣе въ статьѣ или — еще лучше — въ рѣчи. Прозаическій элементъ вообще былъ очень силенъ въ поэзіи Некрасова, что и подало поводъ называть ее тенденціозной. Но дѣло тутъ собственно не въ тенденціозности, а просто въ томъ, что поэтическій талантъ Некрасова былъ не достаточно силенъ и — это, можетъ быть, главное, — не достаточно пластиченъ.*) Повторяю, топоръ представляетъ собою очень полезное орудіе труда, но топорная отдѣлка оставляетъ желать лучшаго.

А на счетъ пользы, принесенной нашему общественному самосознанію „топорнымъ" талантомъ Некрасова теперь уже нельзя сомнѣваться и почти безполезно распространяться. Некрасовъ явился поэтическимъ выразителемъ цѣлой эпохи нашего общественнаго развитія. Эта эпоха начинается выступленіемъ на нашу историческую сцену образованнаго „разночинца" („интеллигенціи" тожъ) и оканчивается появленіемъ на этой сценѣ рабочаго класса, пролетаріата въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Кто интересуется нравственнымъ и идейнымъ содержаніемъ этой замѣчательной эпохи, тотъ найдетъ въ

*) Подъ тенденціозностью чаще всего понимаютъ искаженіе дѣйствительности въ угоду предвзятой идеѣ. *Такой* тенденціозности въ поэзіи Некрасова совсѣмъ не было (если не считать нѣкоторыхъ „невѣрныхъ звуковъ", вырванныхъ у его музы тяжелыми политическими условіями Россіи, которымъ онъ по временамъ подчинялся больше чѣмъ это было позволительно даже съ точки зрѣнія мирнаго обывателя). Но иногда на счетъ тенденціозности относятъ то, что объясняется именно недостаточной пластичностью поэтическаго дарованія. Человѣкъ не справляется со своими поэтическими образами, и потому въ его стихотвореніе врывается *проза*. Это большой недостатокъ. Но происходитъ онъ вовсе не изъ желанія искажать дѣйствительность, и къ тому же самъ по себѣ онъ вовсе не ведетъ къ ея искаженію: *проза* не значитъ *ложь*; прозаическое описаніе можетъ быть *вполнѣ точно*.

поэзіи Некрасова богатѣйшій матеріалъ для его характеристики.

Поэзія и вся изящная литература предшествовавшей общественной эпохи была у насъ преимущественно поэзіей высшаго, дворянскаго сословія. Я говорю — „преимущественно", такъ какъ были блестящія исключенія изъ этого общаго правила: достаточно назвать Кольцова. Но эти исключенія всѣми встрѣчались, именно какъ исключенія, и потому подтверждали общее правило.

Что такое — Евгеній Онѣгинъ? Образованный русскій дворянинъ „въ гарольдовомъ плащѣ". Что такое — Печоринъ? Тоже — образованный дворянинъ и въ томъ же плащѣ, только на другой ладъ скроенномъ. А что такое герои разныхъ „Дворянскихъ гнѣздъ" Тургенева? Что такое — дѣйствующія лица „Войны и Мира" или „Анны Карениной", всѣ эти Курагины. Болконскіе, Безухіе, Ростовы, Вронскіе, Облонскіе, Левины и т. д. и т. д.? Все это — кость отъ костей и плоть отъ плоти нашего дворянскаго сословія. Въ произведеніяхъ Толстого „народъ" фигурируетъ только мимоходомъ и только въ той мѣрѣ, въ какой онъ нуженъ художнику для того, чтобы изобразить душевное состояніе героя-дворянина: припомните, напримѣръ, солдата Платона Каратаева, вносящаго міръ въ мятущуюся душу графа Петра Безухаго. У Тургенева, въ его „Запискахъ охотника" народу, — крестьянину, — отводится уже гораздо болѣе широкое мѣсто. Но хотя „Записки охотника" сыграли довольно крупную и благотворную роль въ духовномъ развитіи нашего „общества", однако не онѣ характеризуютъ собою талантъ Тургенева и не онѣ опредѣляютъ собою содержаніе его художественнаго творчества. „Записки охотника" не помѣшали Тургеневу остаться такимъ же бытописателемъ „дворянскихъ гнѣздъ" и такимъ же истолкователемъ душевной жизни ихъ обитателей, какими были Пушкинъ, Лермонтовъ, Толстой и многія-многія другія звѣзды меньшихъ величинъ. Называя ихъ всѣхъ бытописателями дворянскихъ гнѣздъ, указывая на ихъ дворянскую точ-

ку зрѣнія, я этимъ вовсе не хочу сказать что они были ограниченными сторонниками сословныхъ привилегій, безсердечными защитниками эксплуатаціи крестьянина дворянином. Совсѣмъ нѣтъ! Эти люди были по своему очень добры и гуманны, а угнетеніе крестьянъ дворянами рѣзко осуждалось иногда, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми изъ нихъ. Но дѣло вовсе не въ этомъ. Какъ бы ни были добры и гуманны эти наши великіе художники, несомнѣнно все таки то, что дворянскій бытъ изображается у нихъ не со своей отрицательной стороны — т. е. не съ той стороны, съ которой обнаруживалось бы противорѣчіе интересовъ дворянства съ интересами крестьянства, — а съ той, съ которой это противорѣчіе совсѣмъ незамѣтно, и съ которой дворянинъ, живший болѣе или менѣе суровой эксплуатаціей крестьянина, все таки оказывался человѣкомъ способнымъ понимать и переживать многія важнѣйшія человѣческія чувства: стремленіе къ истинѣ, исканіе серьезнаго общественнаго дѣла, жажду борьбы, любовь къ женщинѣ, наслажденіе природой и т. п. и т. п. Поскольку обитатели „дворянскихъ гнѣздъ“ способны были испытывать эти чувства, постольку они и интересовали художника, а отношеніе этихъ людей къ подчиненному имъ сословію или совсѣмъ обходилось въ художественномъ произведеніи, — мы совсѣмъ не знаемъ, напримѣръ, какъ относился къ своимъ крестьянамъ Печоринъ; — или изображалось одной-двумя чертами, — Онѣгинъ замѣняетъ въ своемъ имѣніи легкимъ оброкомъ „яремъ барщины старинной“; Пьеръ Безухій строитъ для своихъ крѣпостныхъ школы и больницы; Андрей Болконскій переводитъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ вольные хлѣбопашцы, — или, наконецъ, мѣстами изображается въ нихъ почти идиллическими красками. Напомню святочныя забавы въ рязанскомъ имѣніи графовъ Ростовыхъ, Отрадномъ: крѣпостные слуги наравнѣ со своими господами участвуютъ въ этихъ забавахъ, изображенныхъ съ такимъ неподражаемымъ, несравненнымъ искусствомъ. Рисуя отрадненскую идиллію, Толстой вовсе не задавался цѣлью что нибудь скрыть или что нибудь

У Гоголя „Дворянскія гнѣзда“ изображаются, конечно, не въ такомъ привлекательномъ свѣтѣ, какъ у Толстого или у Тургенева. Но если Гоголь больно бичуетъ Собакевичей, Ноздревыхъ, Маниловыхъ и т. д., то и онъ все таки очень мало занимается Селифанами, Петрушками, дядями Митяями и другими представителями угнетеннаго сословія. Его мысль тоже мало останавливалась на психологіи „крещеной собственности“.

У Некрасова мы видимъ уже совсѣмъ другое. Изображенію народнаго горя посвящены всѣ его наиболѣе извѣстныя произведенія. А на дворянскія гнѣзда эти произведенія проливаютъ совсѣмъ таки не привлекательный свѣтъ. Уже въ одномъ изъ самыхъ раннихъ своихъ стихотвореній, именно въ такъ сильно нравившемся Бѣлинскому стихотвореніи „Родина“, Некрасовъ говоритъ:

И вотъ они опять, знакомыя мѣста,
Гдѣ жизнь отцовъ моихъ, безплодна и пуста,
Текла среди пировъ, безсмысленнаго чванства,
Разврата грязнаго и мелкаго тиранства!
Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидовалъ житью послѣднихъ барскихъ псовъ,
Гдѣ было суждено мнѣ Божій свѣтъ увидѣть,
Гдѣ научился я терпѣть и ненавидѣть,
Но ненависть въ душѣ постыдно притая,
Гдѣ иногда помѣщикомъ бывалъ и я...

Это стихотвореніе, написанное еще въ 1846 году, ясно опредѣляетъ передъ нами ту точку зрѣнія, съ которой Некрасовъ смотритъ на нашъ помѣщичій бытъ. Хотя

Не занимается имъ и графъ Толстой, ограничивающійся неожиданнымъ замѣчаніемъ, что наказываемый кричалъ *«притворно»*. Почему — *притворно*, это остается тайной.

Толстой говоритъ гдѣ-то (кажется въ своей „*Исповѣди*“), что для него, въ теченіе большей части его жизни, людьми въ настоящемъ смыслѣ этого слова были только такъ называемые благовоспитанные люди, а всѣ прочіе были — „такъ“ (себѣ). Это интересное признаніе; за его справедливость ручаются всѣ самыя замѣчательныя произведенія Толстого. И оно проливаетъ яркій свѣтъ на психологію художника аристократа.

шагося впослѣдствіи разрыва „дѣтей“ съ „отцами“, ни добролюбовскихъ нападокъ на самодуровъ, ни даже писаревскаго „разрушенія эстетики“. Всѣ эти многообразныя черты одной и той же физіономіи выражаютъ собой одно и то же настроеніе и всѣ онѣ коренятся въ томъ рѣзко-отрицательномъ отношеніи къ нашему крѣпостному порядку, которымъ насквозь пропитана поэзія Некрасова. Замѣтьте, что отрицаніе не ограничивается въ ней однимъ только крѣпостнымъ правомъ или вообще однимъ помѣщичьимъ бытомъ. Нѣтъ, образованный разночинецъ отрицаетъ и ненавидитъ всю совокупность общественныхъ отношеній, выросшую на почвѣ закрѣпощенія крестьянина. Онъ враждебенъ дворянству; но и чиновничество не заслуживаетъ пощады въ его глазахъ. Онъ видитъ въ чиновникѣ лишь другую, болѣе прожорливую и низкопоклонную разновидность народнаго эксплуататора. Некрасовъ клеймитъ его въ своей, полной безпощаднаго сарказма „Колыбельной пѣснѣ“:

По губерніи раздался
Всѣмъ отрадный кликъ:
Твой отецъ подъ судъ попался —
Явныхъ тьма уликъ,
Но отецъ твой — плутъ извѣстный —
Знаетъ роль свою.
Спи, пострѣлъ, покуда честный!
Баюшки-баю.

Передового разночинца не привлекаетъ къ себѣ государственная служба. Если еще Чацкій находилъ, что служить значитъ прислуживаться, то теперь передовая „интеллигенція“ видитъ въ службѣ школу полнѣйшаго нравственнаго развращенія:

Будешь ты чиновникъ съ виду
И подлецъ душой,
Провожать тебя я выйду
И махну рукой!

Въ день привыкнешь ты картинно
Спину гнуть свою...
Спи, пострѣлъ, пока невинный!
Баюшки - баю.

Политическая идея нашего государственнаго порядка, выросшаго на крѣпостной основѣ и, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не отошедшаго въ область историческаго воспоминанія, состояла и состоитъ въ томъ, что мозгомъ страны является царское правительство, которое вѣдаетъ всѣ общественныя нужды и удовлетворяетъ ихъ въ той мѣрѣ, въ какой признаетъ ихъ законными. Обывателямъ остается при этомъ вѣдать лишь свои частныя нужды, вовсе не мѣшаясь въ дѣла общественныя или мѣшаясь въ нихъ лишь постольку, поскольку это разрѣшено благодѣтельнымъ и предусмотрительнымъ начальствомъ. Обыватель, въ которомъ пробуждается сознаніе обязанностей гражданина, до сихъ поръ считается неблагонадежнымъ и и не рѣдко попадаетъ въ мѣста довольно „отдаленныя“. Въ странѣ неограниченной власти царя и безграничнаго произвола администраціи гражданамъ нечего дѣлать. Такова теорія. Правда, практика давно перестала соотвѣтствовать ей въ томъ смыслѣ, что уже съ конца 18-го вѣка въ Россіи появляются люди, стремленія которыхъ рѣзко противорѣчатъ казенному идеалу. Новиковъ, Радищевъ, декабристы, Герценъ, Огаревъ, Бѣлинскій, петрашевцы — умѣли смотрѣть несравненно дальше узкаго круга своихъ домашнихъ интересовъ и ни за что не хотѣли „позорить гражданина санъ“. Но пока старый порядокъ еще не былъ расшатанъ неудержимымъ ходомъ экономическаго развитія эти „неблагонадежные“ (а иногда и прямо „злонамѣренные“) люди представляли собою чрзвычайно отрадное, но очень рѣдкое исключеніе, были тѣми одинокими ласточками, которыя не дѣлали весны и сами задыхались въ тяжелой атмосферѣ всеобщей спячки. «Зачѣмъ мы проснулись!», съ отчаяніемъ восклицалъ Герценъ.

Только когда экономическое развитіе расшатало

основы крѣпостного порядка и выдвинуло на нашу историческую сцену цѣлый слой образованныхъ разночинцевъ, только тогда началось у насъ почти непрерывное общественное движеніе во имя болѣе или менѣе прогрессивныхъ, болѣе или менѣе широкихъ гражданскихъ идеаловъ. Чѣмъ болѣе препятствій встрѣчалось на пути этого движенія, тѣмъ рѣшительнѣе выбивались его участники изъ колеи обыденныхъ житейскихъ занятій, и тѣмъ очевиднѣе становилось для нихъ что ихъ житейская спеціальность заключается въ томъ, чтобы вовсе не имѣть ни какой житейской спеціальности, кромѣ спеціальности гражданина — борца за лучшее будущее своей страны. Некрасову дѣлаетъ очень большую честь то обстоятельство, что онъ, который самъ борцомъ никогда не былъ, своимъ поэтическимъ чутьемъ понялъ психологію новаго общественнаго типа. Уже въ стихотвореніи „Поэтъ и Гражданинъ“ (1856 г.) мы встрѣчаемъ у него слѣдующія выразительныя строки:

Ахъ! будетъ съ насъ купцовъ, кадетовъ,
Мѣщанъ, чиновниковъ, дворянъ,
Довольно даже намъ поэтовъ,
Но нужно, нужно намъ гражданъ!
Но гдѣ жъ они? Кто не сенаторъ,
Не сочинитель, не герой,
Не предводитель, не плантаторъ,
Кто гражданинъ страны родной?
Гдѣ ты? Откликнись! Нѣтъ отвѣта,
И даже чуждъ души поэта
Его могучій идеалъ!
Но если есть онъ между нами,
Какими плачетъ онъ слезами!!

До какой степени самому Некрасову не былъ чуждъ могучій идеалъ гражданина, показываетъ другое мѣсто того же стихотворенія:

Не можетъ сынъ глядѣть спокойно
На горе матери родной,
Не будетъ *гражданинъ* достойный

Къ отчизнѣ холоденъ душой,
Ему нѣтъ горше укоризны...
Иди въ огонь за честь отчизны,
За убѣжденье, за любовь...
Иди и гибни безупречно;
Умрешь не даромъ... Дѣло прочно,
Когда подъ нимъ струится кровь.

Въ другомъ мѣстѣ, обращаясь къ матери, которая грустно задумалась объ участи, ожидающей ея трехъ отроковъ-сыновей, поэтъ говоритъ:

Но плачь надъ ними, мученица-мать!
Но говори имъ съ молодости ранней:
Есть времена, есть цѣлые вѣка,
Въ которые нѣтъ ничего желанней,
Прекраснѣе — терноваго вѣнка!...

Тутъ поэзія Некрасова, никогда не бывшаго революціонеромъ, становится революціонной поэзіей, и не удивительно, что отрывки, подобные только что приведенному, заучивались наизусть русскими революціонерами. Такіе отрывки нисколько не утратили своего значенія до настоящаго времени и не утратятъ его до тѣхъ поръ, пока передовое человѣчество останется вынужденнымъ силой пролагать себѣ дорогу къ своему идеалу. А оно, какъ видно, еще не скоро избавится отъ этой необходимости, потому что обѣщаннаго „критиками марксизма“ притупленія общественныхъ противорѣчій что-то нигдѣ не замѣтно.

Каковы же тѣ убѣжденія, за которыя гражданинъ долженъ идти въ огонь и, если понадобится, пролить свою кровь? Въ поэтическихъ произведеніяхъ вообще странно было бы искать точно формулированныхъ соціально-политическихъ требованій. Но выражая стремленія передового русскаго разночинца, поэзія Некрасова все таки ставитъ передъ гражданиномъ довольно опредѣленную общественную задачу. Задача эта заключается въ избавленіи русскаго народа отъ многообразнаго гнета, наложеннаго на него нашимъ старымъ, — повторяю, до сихъ поръ еще

далеко не совсѣмъ устраненнымъ, — крѣпостнымъ порядкомъ. Какъ представлялось Некрасову положеніе русскаго народа, хорошо видно изъ цитированнаго уже мною стихотворенія „Размышленія у парадная подъѣзда“:

. . . . . Родная земля!
Назови мнѣ такую обитель,
Я такого угла не видалъ,
Гдѣ бы сѣятель твой и хранитель,
Гдѣ бы русскій мужикъ не стоналъ.
Стонетъ онъ по полямъ, по дорогамъ,
Стонетъ онъ по тюрьмамъ, по острогамъ,
Въ рудникахъ, на желѣзной цѣпи.
Стонетъ онъ подъ овиномъ, подъ стогомъ,
Подъ телѣгой, ночуя въ степи;
Стонетъ въ собственномъ бѣдномъ домишкѣ,
Свѣту Божьяго солнца не радъ;
Стонетъ въ каждомъ глухомъ городишкѣ,
У подъѣздовъ судовъ и палатъ.
Выдь на Волгу: чей стонъ раздается
Надъ великою русской рѣкой?
Этотъ стонъ у насъ пѣснью зовется —
То бурлаки идутъ бичевой.
Волга! Волга! Весной многоводной
Ты не такъ заливаешь поля,
Какъ великою скорбью народной
Переполнилась наша земля!
Гдѣ народъ, тамъ и стонъ . . .

Въ служеніи этому несчастному народу, въ борьбѣ съ порабощающей и угнетающей его „неправдою лукавою“ и заключается первая обязанность гражданина, первый долгъ мыслящаго сына русской земли, не могущаго „глядѣть спокойно на горе матери родной“.

Доля народа,
Счастье его,
Свѣтъ и свобода
Прежде всего!

И это служеніе угнетенному народу, эта борьба за его освобожденіе составляетъ не только нравственную обязанность, но также и непреодолимую потребность честнаго и мыслящаго человѣка:

Зрѣлище бѣдствій народныхъ
Невыносимо мой другъ;
Счастье умовъ благородныхъ —
Видѣть довольство вокругъ...

Совершенно такъ думала вся та самоотверженная „интеллигенція", которая уже съ конца пятидесятыхъ годовъ спрашивала себя: „что дѣлать?" для того, чтобы вывести народъ изъ его тяжелаго положенія, и для которой этотъ проклятый вопросъ понынѣ остается самымъ жгучимъ, самымъ „проклятымъ" изо всѣхъ вопросовъ. Въ виду этого дѣлается совершенно понятнымъ, почему эта интеллигенція не только зачитывалась стихами Некрасова, но и ставила его талантъ выше таланта Пушкина и Лермонтова: онъ давалъ поэтическое выраженіе ея собственнымъ общественнымъ стремленіямъ; его „муза мести и печали" была ея собственной музой.

Въ своемъ предисловіи къ русскому переводу романа фонъ-Поленца „Крестьянинъ" гр. Л. Толстой высказываетъ сожалѣніе о томъ, что за послѣднія 50 лѣтъ сильно понизился вкусъ и здравый смыслъ русской читающей публики. „Прослѣдить можно это пониженіе по всѣмъ отраслямъ литературы, — говоритъ онъ, — но укажу только на нѣкоторые, болѣе замѣтные и мнѣ знакомые примѣры. Въ русской позіи, напримѣръ, послѣ Пушкина, Лермонтова, (Тютчевъ обыкновенно забывается), поэтическая слава переходитъ сначала къ весьма сомнительнымъ поэтамъ Майкову, Полонскому, Фету, потомъ къ совершено лишенному поэтическаго дара Некрасову, потомъ къ искусственному и прозаическому стихотворцу Алексѣю Толстому, потомъ къ однообразному и слабому Надсону, потомъ къ совершенно бездарному Апухтину, а потомъ уже все мѣшается и являются стихотворцы, имъ же имя легіонъ, которые даже не знаютъ, что такое

поэзіи и что значитъ то, что они пишутъ и зачѣмъ они пишутъ."

Я не стану отмѣчать всѣ неточности, содержащіяся въ этомъ отрывкѣ. Здѣсь, какъ и во всѣхъ сужденіяхъ Л. Толстого, слишкомъ много прямолинейности и отвлеченности. Его слова интересуютъ меня теперь, однако, лишь въ той мѣрѣ, въ какой они касаются Некрасова. Но съ этой своей стороны они очень поучительны. Сказать, что Некрасовъ совершенно лишенъ поэтическаго дара, значитъ высказать мысль, ошибочность которой вполнѣ очевидна. Хотя почти каждое стихотвореніе Некрасова въ цѣломъ отличается — какъ я уже указывалъ — болѣе или менѣе значительными погрѣшностями противъ требованія строгаго эстетическаго вкуса, но за то во многихъ изъ нихъ можно найти мѣста, ярко отмѣченныя печатью самаго несомнѣннаго таланта. *) Л. Толстой не замѣчаетъ этихъ мѣстъ, потому что ему вообще совершенно чуждо все настроеніе некрасовской музы. Его собственное умственное и нравственное развитіе шло путемъ, не имѣющимъ ничего общаго съ тѣмъ, по которому двигалось умственное и нравственное развитіе русскаго образованнаго разночинца. Л. Толстой — баринъ до конца ногтей даже тамъ, гдѣ онъ кажется революціонеромъ. Въ его отрицаніи нѣтъ ни одного атома революціонныхъ стремленій.

Вспомните некрасовскую „Пѣсню" изъ „Медвѣжьей охоты":

Отпусти меня родная.
Отпусти не споря!
Я не травка полевая,
Я взросла у моря.

Не рыбацкій парусъ малый,
Корабли мнѣ снятся...
Скучно! Въ этой жизни вялой
Дни такъ долго длятся.

*) Есть у него, впрочемъ, и вполнѣ безукоризненныя вещи, напримѣръ, хоть бы его знаменитый „Власъ".

зіи. Мы сидѣли послѣ обѣда группой въ нѣсколько человѣкъ и читали Некрасова. Едва мы окончили „Желѣзную дорогу“, раздался сигналъ, звавшій насъ на фронтовое ученье. Мы спрятали книгу и пошли въ цейгхаусъ за ружьями, находясь подъ сильнѣйшимъ впечатлѣніемъ всего только что прочитаннаго нами. Когда мы начали строиться, мой пріятель С. подошелъ ко мнѣ и, сжимая въ рукѣ ружейный стволъ, прошепталъ: „Эхъ, взялъ бы я это ружье и пошелъ бы сражаться за русскій народъ!“ Эти слова, произнесенныя украдкой въ нѣсколькихъ шагахъ отъ строгаго военнаго начальства, глубоко врѣзались въ мою память; я вспоминалъ ихъ потомъ всякій разъ, когда мнѣ приходилось перечитывать „Желѣзную дорогу“.

Въ служеніи народу Некрасовъ видитъ главную задачу гражданина. Поэтому народъ становится главнымъ героемъ главныхъ его произведеній. Но что же узнаемъ мы отъ него объ этомъ его героѣ? Намъ уже извѣстно, что положеніе его крайне тяжело. Но этого намъ мало. Намъ хочется знать, что же дѣлаетъ онъ самъ для облегченія своей участи?

На этотъ счетъ Некрасовъ сообщаетъ намъ очень мало утѣшительнаго. Его народъ не умѣетъ бороться и не сознаетъ необходимости борьбы. Главной отличительной чертою этого народа является вѣчное терпѣніе. Вотъ что, напримѣръ, пишетъ Некрасовъ въ 1858 году:

Пожелаемъ тому доброй почи,
Кто все терпитъ во имя Христа,
Чьи не плачутъ суровыя очи,
Чьи не рощутъ нѣмыя уста,
Чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ
Погружаться въ искусства, науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ;
Кто бредетъ по житейской дорогѣ
Въ безразсвѣтной, глубокой ночи,

Безъ понятья о правѣ, о Богѣ,
Какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи...

Нельзя вообразить ничего безотраднѣе такой картины. Это — послѣдняя степень подавленности. Такому народу только и можно пожелать что — „доброй ночи“; проснуться онъ не способенъ. Некрасову, какъ видно, не рѣдко приходитъ эта мысль; его „Размышленія у парадная подъѣзда“ оканчиваются вопросомъ:

..... Эхъ сердечный
Что же значитъ твой стонъ безконечный?
Ты проснешься-ль, исполненный силъ,
Иль, судебъ повинуясь закону,
Все, что могъ, ты уже совершилъ, —
Создалъ пѣсню, подобную стону,
И духовно на вѣки почилъ?

Два года спустя, въ 1860 году, Некрасовъ въ стихотвореніи „На Волгѣ“, рисуетъ бурлака, который поражаетъ его все тѣмъ же безконечнымъ терпѣніемъ и все той же тупой неподвижностью мысли:

Унылый, сумрачный бурлакъ!
Какимъ тебя я въ дѣтствѣ зналъ,
Такимъ и нынѣ увидалъ:
Все ту же пѣсню ты поешь,
Все ту же лямку ты несешь,
Въ чертахъ усталаго лица
Все та-жъ покорность безъ конца...

.....
Отецъ твой сорокъ лѣтъ стоналъ,
Бродя по этимъ берегамъ,
И передъ смертію не зналъ,
Что заповѣдать сыновьямъ,
И, какъ ему, — не довелось
Тебѣ наткнуться на вопросъ:
Чѣмъ хуже былъ бы твой удѣлъ,
Когда-бъ ты менѣе терпѣлъ...

Некрасовъ знаетъ, что характеры людей складыва-

ются подъ вліяніемъ окружающей ихъ общественной среды и нисколько не обманываетъ себя на счетъ свойствъ той среды, въ которой складывался русскій народный характеръ:

Прочна суровая среда,
Гдѣ поколѣнія людей
Живутъ и гибнутъ безъ слѣда
И безъ урока для дѣтей!

Впослѣдствіи, когда „суровая среда“ утратила часть своей прочности подъ напоромъ „новыхъ вѣяній“ шестидесятыхъ годовъ и когда даже самые трезвые представители радикальной интеллигенціи, — напр. Н. Г. Чернышевскій, — не чужды были самыхъ радужныхъ ожиданій, у Некрасова является болѣе отрадный взглядъ на русскій народъ; ему уже не приходитъ въ голову тяжелое сомнѣніе относительно его будущности. Напротивъ, будущность эта рисуется его воображенію въ свѣтлыхъ краскахъ. Онъ восклицаетъ въ „Желѣзной дорогѣ“, написанной въ 1864 году:

Да не робѣй за отчизну любезную...
Вынесъ достаточно русскій народъ,
Вынесъ и эту дорогу желѣзную —
Вынесетъ все, что Господь ни пошлетъ! —
Вынесетъ все — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложитъ себѣ...

Но старыя впечатлѣнія еще слишкомъ живы въ поэтѣ, чтобы счастливое будущее русскаго народа могло представляться ему *близкимъ*. Нѣтъ, оно еще очень, очень далеко; до него не доживетъ ни самъ поэтъ, ни даже тотъ мальчикъ Ваня, съ которымъ онъ разговариваетъ:

Жаль только жить въ эту пору прекрасную
Ужь не придется — ни мнѣ, ни тебѣ...

А настоящее все еще сохраняетъ въ себѣ мрачныя черты недавняго прошлаго. Народъ по прежнему поражаетъ своимъ терпѣніемъ:

Мы надрывались подъ зноемъ, подъ холодомъ,

Съ вѣчно согнутой спиной,
Жили въ землянкахъ, боролися съ голодомъ,
Мерзли и мокли, болѣли цингой,
Грабили насъ грамотѣи-десятники,
Сѣкло начальство, давила нужда.
Все претерпѣли мы Божіи ратники,
Мирныя дѣти труда!

И, — тоже по прежнему, — обираемый и угнетаемый народъ готовъ за жалкую подачку, за стаканъ водки чуть ли не боготворить своихъ притѣснителей. Это, какъ видно, всего больнѣе Некрасову, и только что цитированное мною стихотвореніе его заканчивается безотрадной сценой:

Въ синемъ кафтанѣ — почтенный лабазникъ,
Толстый, присадистый, красный какъ мѣдь,
Ѣдетъ подрядчикъ по линіи въ праздникъ,
Ѣдетъ работы свои посмотрѣть.
Праздный народъ разступается чинно...
Потъ отираетъ купчина съ лица
И говоритъ, подбоченясь картинно:
‹ Ладно... нешто... молодца... молодца!...
‹ Съ Богомъ теперь по домамъ, проздравляю!
‹ (Шапки долой, — коли я говорю) —
‹ Бочку рабочимъ вина выставляю
‹ И — недоимку дарю!...›
Кто-то „ура,“ закричалъ. Подхватили
Громче, дружнѣе, протяжнѣе... Глядь —
Съ пѣсней десятники бочку катили...
Тутъ и лѣнивый не могъ устоять!
Выпрягъ народъ лошадей — и купчину
Съ крикомъ „ура!“ по дорогѣ помчалъ...

Замѣчу мимоходомъ, что эта картина написана рукой истиннаго художника, и что за нее одну можно простить Некрасову многія шероховатости и недостатки его „Желѣзной дороги“. Странно, какъ Л. Толстой могъ пройти мимо такой сцены!

Семидесятые годы были у насъ временемъ знаменитаго „хожденія въ народъ“. Наша революціонная интел-

въ Россіи только тѣмъ представителямъ радикальной интеллигенціи, которые жертвуютъ собой для народа:

Быть бы нашимъ странникамъ подъ родною кры-
[шею,
Если бъ знать могли они, что творилось съ Гри-
[шею...

Но въ томъ-то и дѣло, что странники, — крестьяне разныхъ деревень, порѣшившіе не возвращаться домой, пока не рѣшатъ, кому живется весело вольготно на Руси, — не знали того, что творилось съ Гришею, и не могли знать. Стремленія нашей радикальной интеллигенціи оставались неизвѣстны и непонятны народу. Ея лучшіе представители, не задумываясь, приносили себя въ жертву его освобожденію; а онъ оставался глухъ къ ихъ призывамъ и иногда готовъ былъ побивать ихъ камнями, видя въ ихъ замыслахъ лишь новыя козни своего наслѣдственнаго врага — дворянства.*) И въ этомъ заключалась великая трагедія исторіи русской радикальной интеллигенціи. Некрасовъ по своему пережилъ эту трагедію. Онъ, считавшій себя призваннымъ воспѣть страданія русскаго народа, грустно говоритъ почти наканунѣ своей смерти:

---

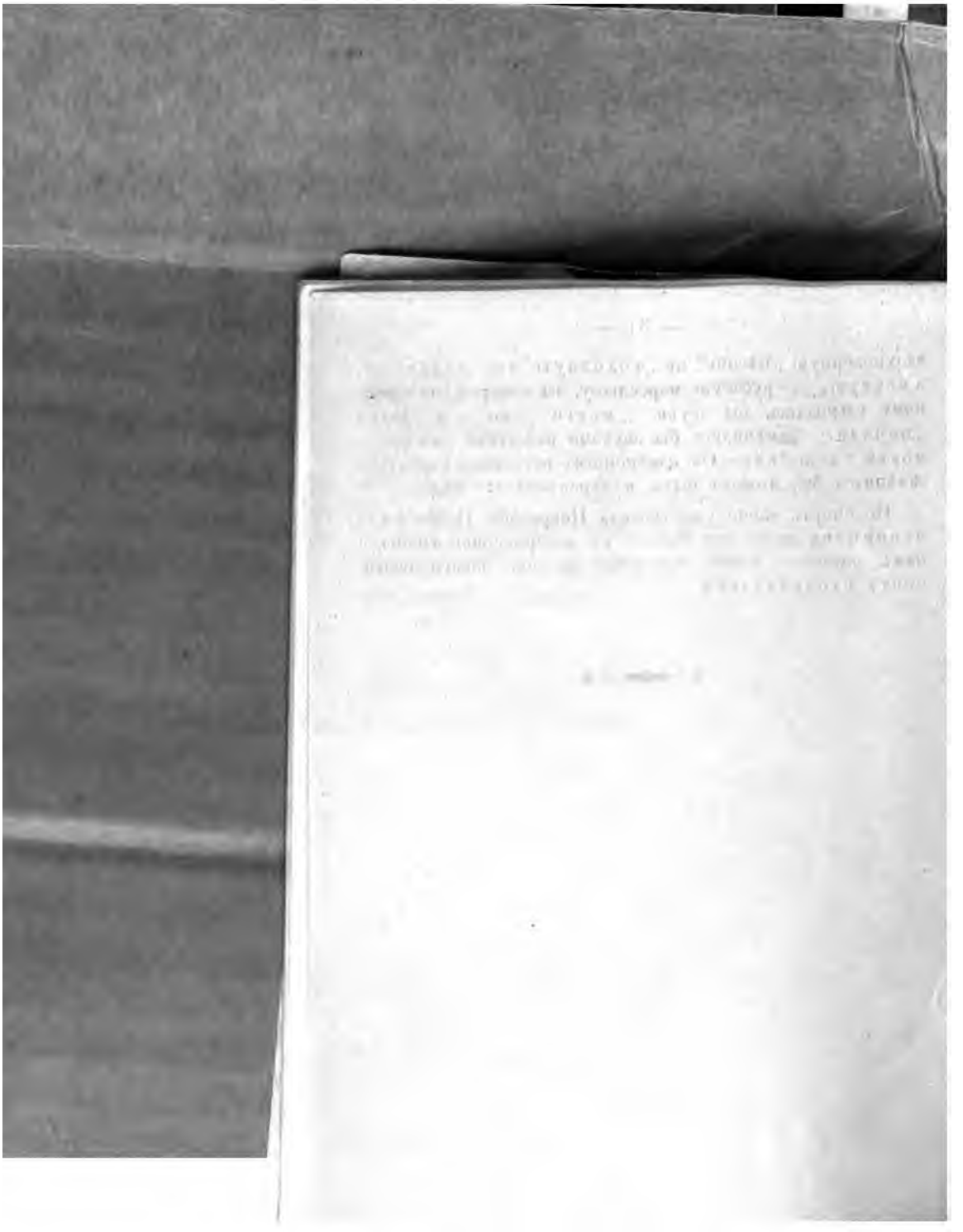
*) *Сознаніе* народа опредѣляется *образомъ его жизни*. Экономическая основа русскаго царизма, — прикрѣпленіе крестьянина къ землѣ, которая въ сущности принадлежитъ государству, хотя находится въ пользованіи отдѣльныхъ общинъ, — была какъ двѣ капли воды, похожа на тотъ экономическій фундаментъ, на которомъ покоились деспотіи древняго Востока. Не удивительно, что нравы и взгляды русскаго народа тоже имѣли очень замѣтный восточный оттѣнокъ. „Святорусскій богатырь“ Савелій („Кому на Руси жить хорошо“) — типичный крестьянинъ Востока. Читая его разсказъ о томъ какъ его родная „Корежина“ уклонялась отъ платежа оброка своему помѣщику Шалашникову, невольно вспоминаешь „Manners and Customs of ancient Egyptians“ Уилькинсона (см. 2-й томъ, стр. 40 и слѣд.: The bastinado.)

шемъ „народѣ“ появился новый классъ, несравненно болѣе чуткій, подвижной, отзывчивый и нетерпѣливый, нежели то крестьянство, которое надрывало сердце Некрасова своими стонами и доводило его до отчаянія своимъ долготерпѣніемъ. Этотъ классъ, — классъ пролетаріевъ, — очень недвусмысленно показываетъ намъ, что онъ совсѣмъ не намѣренъ „почтительно“ предоставить высшимъ классамъ наслажденіе всѣми матеріальными и духовными благами жизни, ничего не оставляя на свою долю, кромѣ тяжелаго физическаго труда. Русскій пролетарій живетъ уже не въ „безразсвѣтной, глубокой ночи“: онъ, въ лицѣ лучшихъ представителей своего класса, уже видитъ яркую зарю своего освобожденія. Его „суровыя очи“ не „плачутъ“: они горятъ благородной жаждой борьбы и гордымъ сознаніемъ своей силы. Его „уста“ не остаются „нѣмыми“: они зовутъ на битву. И странно было бы желать ему „доброй ночи“, — ему, который стряхиваетъ съ себя тяжелый сонъ и бодро принимается за свою великую историческую работу.

Съ появленіемъ пролетаріата у насъ началась новая эпоха, замѣчательная тѣмъ, что даже крестьянинъ не такъ неподвиженъ теперь, какъ былъ онъ при жизни Некрасова. Новыя экономическія отношенія, заново передѣлывая нашу общественную когда-то столь „прочную среду“, заново передѣлываютъ также и нашъ народный характеръ.

Некрасову не суждено было дожить до новой эпохи. Но если бы онъ дожилъ до нея, онъ увидѣлъ бы, что въ современной Россіи есть люди, которымъ, несмотря ни на что, живется много веселѣе и гораздо вольготнѣе, чѣмъ жилось его Гришѣ: эти люди — работники, пролетаріи, посвятившіе себя борьбѣ за освобожденіе своего класса и твердо убѣжденные въ исторической неизбѣжности этого освобожденія.

А узнавъ и понявъ этихъ, новыхъ на Руси людей,

вдохновенную „пѣсню“ не „голодную“ и не „соленую“, а боевую, — русскую марсельезу, въ которой, по прежнему слышались бы звуки „мести“, но за то звуки „печали“ замѣнились бы звуками радостной увѣренности въ побѣдѣ. Съ измѣненіемъ народнаго характера измѣнился бы, можетъ быть, и характеръ его музы.

Но смерть давно уже скосила Некрасова. Поэтъ разночинцевъ давно уже сошелъ съ литературной сцены, и намъ остается ждать появленія на ней новаго поэта, поэта пролетаріевъ.